

Маленький наследный принц был человеком крайне любознательным.

Все новое он обязательно должен был увидеть сам, а еще лучше – сам попробовать. Словам о том, что это неинтересно, он не верил: желание его лишь росло.

К примеру, зимой маленький принц пожелал побегать и покататься на коньках по обледеневшему озеру. А уговоры сопровождавших его слуг, опасавшихся, что тот упадет в воду и простудится, только еще больше подогревали его любопытство. В конце концов он действительно ступил на тонкий участок и наполовину провалился под лед, промочив штаны и сапоги с носками, а заодно перепугав всех присутствующих до смерти. К счастью, ребенка вовремя вытащили, и он не успел с головой уйти под воду. Если бы в таком возрасте схлопотал простуду, мог бы и не выкарабкаться.

После произошедшего император осознал, насколько проблемным был его сын.

И это стало для него настоящей головной болью.

Ругать того было бесполезно, да и не любил император повышать на своего сына голос. Ругай, не ругай – по натуре тот был уж больно беспечным: в левое ухо влетало, а в правое вылетало, в сердце не задерживаясь. Пока был мал, на него еще можно было найти управу, но вот когда вырос бы, контролировать его было бы невозможно. Сейчас он бродится в воде посреди зимы, а когда вырастет, что? Отправится ловить драконов в море?

Учителям его воспитывать тоже было бесполезно. Император лучше кого бы то ни было знал своего сына. Пусть тот был умен, обладал прекрасной памятью, без запинки пересказывал исторические трактаты и лекции своих наставников о добре и праведности, в сердце у него ничего не откладывалось.

Мир маленькому принцу казался полным нового, неизведанного. В нем было столько всего увлекательного! Бескрайнее небо, необъятные земли, птицы и звери, а особенно – люди.

Как бы умен ни был, делом он заниматься не любил, но вот мысли и соображения его о человеческих сердцах каждый раз вызывали у императора, как у отца, удивление. Однако для маленького принца игра с человеческими сердцами была лишь развлечением, а не настоящей “игрой”.

Как с таким характером управлять целой страной?

Вспомнив о том, каким безответственным человеком был его отец, и сравнив его со своим безответственным сыном, сверхответственный император ужасно беспокоился.

Дабы исправить характер наследного принца, ему ничего не оставалось, кроме как обратиться за советом к своим приближенным.

Хуай Энь уже давно умер, иначе, сопровождая маленького принца повсюду, давно научил бы того уму-разуму. Будучи человеком не столь педантичным, как чиновники, да и к тому же прослуживши во дворце столько лет, с принцем он справился бы на раз-два.

Какая жалость, что в мире был лишь один Хуай Энь. Ван Чжи отправился в Нинбо и давно скрылся за морским горизонтом. Прочие же преданные придворные были недостаточно мудры,

чтобы император доверил им своего сына.

Поразмыслив, он решил спросить совета у Тан Фаня.

Тан Фань был очень занятым человеком.

Лю Цзянь на тот момент уже вышел на пенсию, и Тан Фаня повысили до первого министра. Хлопот у него было столько, что времени едва хватало домой вернуться. Вдобавок ко всему ему приходилось исполнять обязанности главного наставника Восточного дворца наследного принца, из-за чего Суй Чжоу был вынужден несколько раз навещать дворец, чтобы тайно или явно замолвить за того словечко и убедить императора не вваливать на Тан Фаня слишком тяжелую ношу – император не знал плакать ему или смеяться.

Он вообще не хотел беспокоить Тан Фаня без необходимости.

Однако наставлять сына оказалось гораздо сложнее, чем управлять страной. Как говорится, одна голова хорошо, а две лучше, так что посоветоваться с Тан Фанем все же пришлось.

Тан Фаня его слова несколько озадачили.

Характер наследного принца был просто ужасным. Будь тот обычным человеком, в его стремлении к развлечениям не было бы ничего страшного. Ну убился бы где-нибудь во время своих игр, и ладно – его дело! Однако в будущем наследный принц должен был стать во главе страны. Так можно было и государство угробить...

Да что государство! Игры с судьбой в его случае тоже ничем хорошим бы не кончились. У нынешнего императора был только один сын, так что, если наследный принц не успеет оставить наследника...

О подобном Тан Фаню даже думать было страшно. Хотя вероятность этого была и мала, никаких гарантий, что этого не произойдет, не существовало.

Как человек, он мог брать во внимание лишь то, что имело место быть на данный момент, но, как первый министр, Тан Фань должен был глядеть наперед и делать все возможное, чтобы предотвратить любые непредвиденные ситуации.

Но вот наставление наследного принца на путь истинный, было той еще головной болью.

Обменявшись друг с другом взглядами, император с Тан Фанем одновременно вздохнули.

Бедные родительские сердца!

Слепые увещевания и запреты, конечно же, ничего бы не дали. Многие чиновники, возможно, и предложили бы нечто подобное, но Тан Фань знал, что методы эти не сработают.

Кто не был ребенком? Кто не пережил подобный период, как у наследного принца? Да, не все были такими же непоседливыми, но все же!

В этом возрасте личность человека еще не полностью сформирована. Если маленький принц хотел что-то сделать, вечные ворчания под боком: “Это нельзя, то – нельзя”, – его нисколько не

останавливали. Напротив, наталкивали на мысль: “Раз ты мне не разрешаешь, я просто обязан это сделать”.

— Вместо того, чтобы строить плотины, лучше направить течение в нужное русло, – после долгих раздумий ответил Тан Фань. – Раз Его Высочество по природе своей так игрив, насильственное подавление лишь усугубит положение. Пусть лучше наиграется как следует.

— Первый министр имеет в виду?.. – подмигнул ему император.

Ошеломленный тем, что даже добрые императоры порой склонны к хитрости, Тан Фань с улыбкой ответил:

— Этот чиновник имеет в виду то же, что и Ваше Величество.

Закашлявшись, император был вынужден продолжить:

— Ван Чжи же ведь в Нинбо? Мы желаем, чтобы он свозил туда наследного принца. Может, повидав мир, принц наконец остепенится?

Продолжать не было нужды: Тан Фань уже понял все, что тот хотел сказать.

— Если наследный принц покинет дворец, поднимется страшный шум. Тем более, если он выйдет в море. Чиновники определенно будут до последнего против. Ваше Величество, прошу, подумайте хорошенько.

Император, естественно, знал об этом. Его поездке в храм для молитвы в свое время вся страна воспротивилась.

Чиновники желали запереть императора во дворце на всю жизнь, но при этом требовали, чтобы Сын Неба умел прислушиваться к советам, уважал мудрых подданных и усердно трудился на благо народа. А это было слишком сложно. Император был живым человеком, а не куклой на ниточках. Император, что мира не видал, был либо кроток и некомпетентен, либо духом мятежен, либо в управлении нерадив. Четвертого было практически не дано: чтобы заполучить такого идеального Сына Неба, как нынешний, нужно было не одну жизнь благовония жечь.

Другой император ни за что бы не позволил подданным так собой манипулировать, а нынешний Его Высочество наследный принц... впрочем, не будем об этом.

Из-за пережитого в детстве здоровьем император был слаб, и его ужасно беспокоило то, что он может внезапно умереть, оставив маленького принца, который так и не сумел остепениться, и обрѣкши только было окрепшую страну на разрушение. Предчувствие беды не покидало его ни на миг.

Любой другой на месте Тан Фаня, услышав, что император хочет отправить наследного принца за пределы дворца поразвлечься, на три чи бы в воздух взвился, со слезами на глазах умоляя того передумать.

Видя, что Тан Фань не особо возражает, а лишь просит обратить внимание на последствия,

император несколько успокоился.

— Мы прекрасно понимаем, о чем говорит первый министр. Однако наследный принц по природе своей неуправляем. Если не закалит характер, быть беде.

— Ваше Величество совершенно прав, но следует все тщательно обдумать. Будет ли извещена Поднебесная о том, что наследный принц покинул дворец?

— Конечно, нет, - не задумываясь, ответил император.

— А чиновники?

— Лучше, чтобы не были, иначе у наследного принца не получится покинуть дворец.

— Значит, он отправится под другим именем.

— Верно. Мы не хотим, чтобы он раскрывал свою личность. Пусть следует за Ван Чжи инкогнито.

— Преданность Ван Чжи не может быть подвергнута сомнению, но его возможности ограничены, а в мире полно опасностей. Ваше Величество не думал, что с наследным принцем может что-то случиться?

— Мы думали об этом. Если бы могли, ни за что бы не пожелали отпускать нашего любимого сына в такую даль. Однако, помнится нам, император-основатель одним ударом разгромил целую страну, а император Юнлэ изгнал татар, тогда как император Цзяньвэнь, всю жизнь просидевший глубоко во дворце, был ограничен в своих знаниях, со стратегией и тактикой был знаком лишь из книг, и в конечном итоге сгорел заживо в своих же покоях. Как говорится, родившийся в трудные времена, умрет в мире. Наследный принц - наш сын и будущий монарх. Мы и надеяться не смеем, что он сможет сравниться с императором Юнлэ. Для нас настоящим счастьем станет, если он хотя бы на Цзяньвэня окажется не похож.

Тан Фаня очень волновал тот факт, что наследный принц - единственный сын императора. Если бы тот лелеял его как сокровище, в этом не было бы ничего странного. Но император глядел наперед: произнеся эти слова, он продемонстрировал широту своего ума.

— Ваше Величество мудр!

— Однако принц все-таки еще очень молод, - вздохнул император. - Если так просто позволить ему покинуть дворец, императрица воспротивится. Да она места себе не найдет! Как первый министр считает, следует ли нам на всякий случай послать с ним охрану?

— Разумеется, - кивнул Тан Фань. - Его Высочество бесценен. А потому, даже если едет он ради того, чтобы закалить свой характер, безопасность ему обеспечить все-таки стоит.

— У первого министра будут еще какие-то предложения? - спросил император.

— Будут.

— Скорее говори, - глаза император загорелись.

— Ваше Величество должен произвести на свет больше наследников.

— ...

Видя, что император лишился дара речи, Тан Фань сдержал улыбку:

— Этот чиновник не просто так это сказал. Будь у Его Высочества наследного принца младший брат, он бы пожелал стать для того примером. К тому же это обеспечит гарантию прямого престолонаследия – решит сразу несколько проблем. Этот министр знает о глубоких чувствах между вами и императрицей и не хочет показаться каким-то злодеем, что не верит в любовь, но Ваше Величество теперь в полном расцвете сил. В будущем у вас может быть множество детей и внуков. Прошу Ваше Величество лишь приложить больше усилий.

Император помрачнел. Поморщившись, он устался на Тан Фаня не в силах вымолвить ни слова.

Хорошо иметь нестандартного первого министра: никто не шепчет тебе на ухо консервативные советы, да и важные вещи ему доверять можно. Как сейчас, например. Вряд ли бы кто-то при Дворе согласился бы с тем, чтобы принц покинул дворец, однако Тан Фань не возражал и даже дал императору пару советов.

Но были в этом и отрицательные моменты: порой слова первого министра шокировали императора. Пусть и звучали складно, что и не придерешься.

Что значит “приложить больше усилий”? Разве усилиями тут поможешь?

Ладно, с недостатками можно было смириться. В конце концов, кто сделал его императором?

Император должен был обладать терпением большим, чем первый министр. Если первый министр понимал и принимал с лодку, то император – по меньшей мере с целую гору Тай.

\*\*\*

Послесловие автора:

Даже не знаю, будет ли еще одна глава о воспитании маленького наследного принца. Что скажут читатели?

Забудьте об этом, будущее полно возможностей. Начало положено, остальное додумаете сами.

Время посплетничать:

Поговорим о посмертном храмовом имени “Уцзун” (где 武, “у” - оружие, храбрость, сила, военное дело) маленького наследного принца Чжу Хоучжао. Многие читатели уже знают, что именно оно означало.

“Уцзун” действительно не значило ничего хорошего, особенно во времена династии Мин, когда науки и искусство ценились выше военного дела. И означало оно чрезмерную воинственность.

Уцзун так достал высокопоставленных чиновников, что те после его смерти дали ему такое храмовое имя. Вроде бы похвалили за храбрость, но на самом деле прямым текстом заявили, что тот “хвастливый, амбициозный и морально нищий”.

Многие думают, что династия Цин очерняла династию Мин. На самом деле, династия Мин и сама прекрасно справлялась с этой задачей, ха-ха~

Например, более поздние поколения считали Чжу Хоучжао не таким уж и бесполезным правителем. В храмовом имени Уцзуна отражена оценка, данная императору его современниками~

Если Уцзун плохой, то что насчет Вэньцзуна (где 文, “вэнь” означает культуру, искусство, литературу, гражданское - т.е. противоположность военному делу)?

Вэньцзун был хорош?

Нет.

Все равно, что солдатам, сбежавшим с поля боя на пятьдесят шагов, смеяться над трусостью тех, кто убежал на сто: разницы никакой.

Но почему?

Потому что с незапамятных времен императоры должны были разбираться как в гражданских делах, так и военных. Превозносить военное дело над гражданским, естественно, было неправильно. Тогда как те, кто ставили гражданское превыше военного, были трусливы и некомпетентны.

Приведем 2 примера.

Во время правления Тан Вэньцзуна Ли Ана власть находилась в руках евнухов, а династия Тан пришла в упадок.

Не слышали про него?

Не страшно, приведем другой пример.

Цин Вэньцзун Ичжу.

Хе-хе, про этого-то слышали?

Это же Сяньфэн~

Тот самый старина Сяньфэн, который во время своего правления бежал в провинцию Жэхэ, где был сожжен в Садах Совершенной Ясности (Старый Летний дворец).

Так что храмовое имя “Вэньцзун” уж точно не было комплиментом...

Теперь вы понимаете значение храмового имени “Вэньцзун”~

Если интересно, можете поискать еще императоров с храмовым именем “Вэньцзун”. Могу гарантировать, что все они кончили плохо (эх...

Гражданские чиновники режут без ножа~~~

Однако следует отметить, что Вэньцзун (文宗) и Уцзун (武宗) - это не то же самое, что Вэньди (文帝) и Уди (武帝) (где 文, “цзун” - это родовой храм, а 帝, “ди” - император).

Вэньди и Уди - это краткое посмертное имя, а не храмовое имя.

Например, посмертным именем Хань Вэньди было Сяовэнь Хуанди (где 子, “сяо” - сыновняя почтительность, 文, “вэнь” - культура, гражданское, а 帝, “хуанди” - император), а храмовым - Тайцзун (где 大, “тай” - великий, большой, процветающий).

А посмертным именем Хань Уди было Сяоу Хуанди (где 子, “сяо” - сыновняя почтительность, 武, “у” - военное дело, храбрость), а храмовым - Шицзун (где 世, “ши” - поколение, преемственность).

\*\*\*

Примечания переводчика:

Больше глав о наследном принце не будет. Следующая экстра про СЧ, и она последняя.

Тан Фань: неважно, что вы любите только императрицу, делайте еще детей!

Император: и этого бездетного и неженатого человека я оправдывал в прошлых экстрах?!

<http://tl.rulate.ru/book/50212/4505270>